

33  
Меценат (прил. к газ. Весть). - Калуга. - 2003. - 15 мая (№5). - с. 7

«Один из крупнейших русских градостроителей» - так охарактеризовал архитектора Петра Романовича Никитина замечательный исследователь русского зодчества Евгений Николаев, автор удивительно умной и неожиданно задушевной книжечки «По Калужской земле». Высказано это было, между прочим, походя. Но эта краткая оценка, сделанная давно уже ушедшим из жизни человеком, многого стоит. Потому как это, пожалуй, единственный случай, когда значимость деятельности Никитина определена совершенно точно. В том смысле, что ничуть не занижена.

# ГРАДОСТРОИТЕЛЬ Российской империи

Ведь, действительно, отношение абсолютного большинства архитекторов и архитектороведов к этому мастеру можно обозначить как снисходительно уважительное. Чем более всего известен Никитин? Конечно, своей причастностью к построению «классической Калуги». Кое-кто вспомнит еще, вероятно, о трудах зодчего по восстановлению Твери, ставшей жертвой страшного пожара.

И по всему выходит, что Никитин - калужский архитектор. Или еще тверской. То есть сугубо провинциальный. Из чего следует, что провинциально и все сделанное им. Провинциально и, значит, вторично. Хотя, может быть, мило, забавно и даже талантливо. Не правда ли?

Конечно, неправда. Во-первых, далеко не всегда столичное искусство оказывается ведущим и первичным, а провинциальное - вторичным и ведомым. А во-вторых, и это тут самое главное, Никитин был чистопородным москвичом. И искусство его по самой сути своей - первостепенное, столичное.

Попробуем свести воедино некоторые факты жизни Никитина, в общем-то, давно уже известные, но чаще всего пребывающие в обособлении друг от друга (ведь до сих пор нет полноценной монографии о деятельности этого зодчего).

Весьма примечательно уже то, что самое первое, ненароком сохранившееся, еще детское, послание Никитина обращено не к кому-нибудь, а к Её императорскому величеству Елизавете Петровне. Скорее всего, писалось оно под диктовку какого-то опытного знатока тогдашней бюрократической казуистики. Цитирую: «1. Отец мой родной Роман Никитин служит при дворе Е.И.В. живописным мастером, а я нижепоименованный и поныне в службу Е.И.В. не определен. 2. А обучил я нижепоименованный у дяди моего бывшего при дворе живописным же мастером Ивана Никитина как арифметики, геометрии и часть живописной науки и пять ординов архитектуры прорисовал и фасады копирую и желаю быть в службе Е.И.В. для совершенного обучения архитектурной науке при архитекторе Бланке».

Тут что ни имя, то целая глава истории русского искусства. Карл Бланк - многоопытный архитектор, в 1740-е годы - наставник целой «команды» молодых зодчих, самым молодым среди которых был, видимо, как раз Петр Никитин. Отец же его, Роман Никитич Никитин, известен ныне специалистам как автор любопытнейшего портрета статс-дамы Марии Яковлевны Строгановой. А Иван Никитич Никитин, родной дядя и первый учитель будущего архитектора, несомненно, первый в хронологическом ряду великих русских портретистов. Кисти этого мастера принадлежит так называемый «Портрет напольного гетмана» - вещь во многих отношениях выдающаяся, никак не укладывающаяся в рамки живописи XVIII столетия...

Послание датируется октябрем 1744 года - к этому времени семейство Романа Никитина только что вернулось из тобольской ссылки, в которой оно оказалось в пору бироновщины. Императрица Елизавета Петровна, взойдя на престол, не только «помиловала» Никитиных, но, видимо, и покровительствовала им.

Во всяком случае дальнейшая судьба Петра Никитина была определена специальным решением Сената. Бланку было поручено проэксплуатировать подростка - что и было сделано.

Испытание, судя по всему, прошло успешно. Во всяком случае

Бланк отметил, что Никитин «явился как в арифметике, геометрии, часть живописной науки, и в пяти орденах архитектуры и в рисовании фасадов достаточен». Более того, оказалось, что этот мальчик, вернувшийся в Москву из глухого Тобольска, «против других старших имеющих при архитектуре цивилис учеников в теории превосходнее». Видимо, и впрямь он многому успел научиться в пору ссылки у своего дяди - Ивана Никитина.

В июле 1745 года Петр Никитин по велению Сената становится учеником Бланка, а после того, как тот умирает, переходит в подчинение князю Дмитрию Васильевичу Ухтомскому, на ту пору - ведущему зодчему Москвы. И чуть ли не сразу становится его первейшим помощником.

Похоже, что он изначально выделялся в кругу своих соучеников не только образованностью, но и мастерственностью. Когда в апреле 1748 года Сенатская контора устроила своего рода конкурс рисунков, созданных начинающими архитекторами, именно Никитин занял первое место, заслужив тем самым довольно солидное жалованье - 48 рублей в год.

Уже вскоре он становится «гезелем», затем - «заархитектором». И теперь уже сам руководит обучением учеников, причем некоторые по возрасту гораздо старше его. Как пишет Ухтомский, «оной (то есть Никитин) указом правит. сената определен для обучения всех находящихся в ведомстве моем архитектуры обер и унтер офицеров и рядовых и при исправлении разных сочинениях чертежей...»

А кроме того, Никитину поручается исполнение ответственных проектов. Вот составленная Ухтомским ведомость за 1756 год. Заархитектор Никитин находится «у исправления на строение в Санкт-Петербурге триумфальных ворот модели», составляет планы казенных строений...

А чуть ранее того он руководил срочной перестройкой здания бывшей Главной аптеки на Красной площади. Казалось бы, заурядное дело. Но это не так: молодой зодчий трудился на исполнение указа императрицы Елизаветы «для учреждения вновь в Москве Университета дом состоящий у Куретных ворот в коем прежде была аптека починкою исправить и в состояние привести». Увы, в 1870-е годы строение это было снесено, но помнить о нем будут всегда: как-никак самое первое здание Московского университета!

После того, как Ухтомский был отстранен - к концу 1760 года - от руководства московскими «архитектурскими делами», Никитин становится его официальным преемником. Отныне он главный зодчий первопрестольного города. По указанию Сената как вся огромная «команда», так и «архитектурская школа» были поручены «в ведомство определенного на место ево Ухтомского архитектора Петра Никитина».

Ему приходится исполнять срочные работы: достраивать Кузнецкий мост, ремонтировать к приезду Екатерины II так называемый Сенатский дом в Немецкой слободе... Впрочем, уже вскоре происходит радикальная перемена во всей его деятельности. В 1763 году страшным пожаром были уничтожены многие строения древней Твери. И Никитину поручается восстановление этого города. Вскоре он покидает Москву - фактически уже навсегда.

Пожар в Твере стал вехой в развитии градостроительства в России. Он послужил поводом для приня-

тия указа «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особ». Реконструкция же Твери рассматривалась как «образцовая» - позднее «Комиссия для устройства городов С.-Петербурга и Москвы», которая, вопреки названию своему, курировала градостроение по всей империи, постоянно настаивала, чтобы строительство повсюду велось «против тверского плана».

Потому-то эта работа производилась лучшими архитектурными силами Москвы: под началом Никитина трудились наиболее талантливые его ученики, в том числе Матвей Казаков, находившийся тогда уже в самом преддверии своей великой славы. Любое дело было под силу такой команде. И действительно, созданный Никитиным и его помощниками генеральный план реконструкции города стал во всех отношениях действительно образцовым: ансамбль Твери, будучи подчинен общей идее «регулярства», обладал вместе с тем чертами необходимой парадности и органической цельности. Он сам по себе был, может быть, самым значительным архитектурным созданием раннего классицизма.

Увы, но этот никитинский шедевр сохранился главным образом лишь в виде планов и чертежей. По страшной иронии судьбы в советские времена Тверь, именовавшаяся тогда Калинином, была вновь подвергнута образцово-показательной перестройке - и замечательный ансамбль был сметен архитектурой «сталинского ампира» (или, как мрачно шутили некогда специалисты, «вампира»). Сохранились лишь фрагменты старой застройки - Путевой дворец, непрерывная «фасада» вдоль берега Волги...

И все же никитинская команда поработала не впустую. «Против тверского плана» были обустроены десятки, а может, и сотни провинциальных городов Российской империи. Есть такой термин - «казакская Москва». Возможно, когда-нибудь архитекторы будут говорить о «никитинской провинции», о «никитинской России». Чуть ли не каждый провинциальный архитектурный ансамбль раннего - «строного» - классицизма несет на себе отпечаток архитектурной мысли Никитина.

А в Калуге этот мастер оказался, по-видимому, почти случайно (поработав перед тем некоторое время еще и в Новгороде). В наш город зазвал Никитина его добрый знакомый Михаил Кречетников, калужский наместник. Возвращаться же в Москву архитектору не было никакого смысла. Еще в 1764 году, когда Никитин уже работал в Твере, руководимые им архитектурные классы при Сенате были распушены.

Екатерина II повелела, «чтоб к казенным работам наряжать сенату вольных архитекторов за такую плату, как партикулярные платят». Таким образом, Никитин остался без своей прежней должности. Быть же «вольным архитектором» он вряд ли хотел - трудно было составить конкуренцию вошедшим к тому времени в моду и проживавшим в Москве зодчим Ивану Леграну, Карлу Бланку и Василию Баженову.

Так что приглашение Кречетникова пришлось очень кстати. Тем более что предложенная должность - советника гражданской палаты - была весьма высокооплачиваемой. И в 1777 году Никитин поселился в Калуге. Здесь же он и умер спустя всего лишь семь лет, да и то неполных. А сделать успел очень и очень много. Построил Каменный мост, корпуса Присутственных мест... А главное - стал создателем генерального плана Калуги, второго своего архитектурного шедевра. Но это - особая тема...

Я надеюсь, что когда-нибудь мне удастся написать о деятельности Никитина поподробнее, поосновательнее. Но, думаю, даже этот краткий, пунктирный очерк жизни зодчего дает хоть какое-то представление о том, сколь неординарной личностью был Никитин. Конечно, специалистам предстоит еще изрядно потрудиться, чтобы определить степень его участия в тех или иных архитектурных работах, прояснить некоторые обстоятельства его судьбы... Но при этом всегда следует иметь в виду совершенно особый масштаб мысли и деятельности этого мастера - одного из главнейших градостроителей Российской империи в пору ее становления и расцвета.

Владимир ОБУХОВ.

Меценат

7

Никитин  
Романович

Ред

15.05.03

Во всей красе

№ 5 (54)

16 мая  
2003 г.